

УДК 811.161.1'37; 81'373.23

М.А. Лаппо

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье моделируется словарь идентичности, т.е. группа слов, описывающих принадлежность человека к определенной социальной категории (например, пол, возраст, профессия, семейный статус и т.д.). Анализируется соотношение концептуальной и языковой картин мира в области семантики идентичности. Исследуются семантические, словообразовательные, морфологические критерии отбора слов в данную лексическую группу. Предлагается метод использования семантических формул как разновидность лингвистического эксперимента.

Ключевые слова: идентичность, характеристика, самоидентификация, семантические формулы.

Необходимость в определении собственной идентичности и идентичности другого у человека непосредственно вытекает из двух его важнейших потребностей – этнических (отнесение себя/другого к национальной/расовой/этнической группе) и идеологических (отнесение себя/другого к категории людей, одинаковыми либо разными способами осваивающих действительность) [1. С. 328]. В связи с развитием коммуникационных ресурсов (расширение телевидения, появление социальных сетей, ICQ в Интернете и т.д.) у современного человека стало больше возможностей говорить о самом себе, о своей персоне, о своей роли в социуме, и, как следствие, расширяется репертуар самоидентификационных вербальных средств и коммуникативных стратегий в данной области речевой деятельности.

Идентичность – междисциплинарный феномен, проблемой идентичности занимаются социологи, культурологи, психологи, а в последнее время лингвисты (Гришаева, Цурикова [2]; Рот, Коптельцева [3], Леонтович [4]; Громова [5]; Резанова З.И., Мишанкина Н.А. [6]). С лингвистической точки зрения представляет интерес вербализованная идентичность, способы и функции её описания в речи: «Идентичность – в разной степени артикулированное [выделено нами. – М.Л.], остро и интенсивно переживаемое индивидом, группой, социумом чувство их принадлежности к "своему" миру: самоотождествление с определенной социокультурной средой, ее нормами и ценностями; весьма высокая потребность в одобрении своих действий самой личности (группы) со стороны такой среды и ее авторитетов; чувство неотъемлемой принадлежности к генетическим, историко-культурным, духовным корням этой среды; ощущение и осознание неразрывной связи своего собственного будущего с перспективами этой среды» [7. С. 102].

Целью настоящей статьи является анализ лексических средств описания идентичности на лексическом уровне, моделирование словаря идентичности, его объема и структуры, исследование множества слов, называющих принадлежность человека к определенной социальной категории. Неизученным остается вопрос о пересечении лексических средств характеристики и идентич-

ности, в то время как данные единицы обладают значительным потенциалом в представлении свойств характера и оценок человека.

В центре словаря идентичности находится собственно номинативная лексика, отвечающая за объективную категоризацию человеческого сообщества: *мать, отец, женщина, мужчина, девочка, мальчик, врач, учитель, продавец, русский, украинец, казах, православный, мусульманин, атеист, сибиряк, волжанин*. Примыкают к данному словарю лексемы, в значении которых соединяются семантика социальной категоризации (денотативные компоненты лексического значения слова) и эмотивно-оценочная семантика (коннотативные компоненты): *матушка, батюшка, баба, мужик, девчоночка, мальчонка, врачиха, учительша* и т.д.

При изучении средств характеристики в отечественной лингвистике, как правило, привлекались эмотивно-оценочные пласты русской лексики, а не средства идентичности. Однако текстовые реализации тех слов, которые мы отнесли к центру словаря идентичности, также часто выявляют потенциальные коннотативные компоненты лексического значения, например: «*Мы – сибиряки, часть человечества, воды одной реки!.. Гипебореи цвет, мускулы и мозги*» (Г. Андриянов, этно-рок-группа «Буготак»). В данном контексте слово *сибиряк* приобретает исключительно позитивную оценку за счет актуализации смысла «лучший, отличный от других, крепкий духом и телом» и становится не столько средством описания территориальной идентичности, сколько средством характеристики.

Кроме этого, встает вопрос о вхождении в лексическую группу идентичности некоторых существительных, называющих качества, черты, свойства, какие-либо признаки человека: *бородач, меломан, меланхолик, стрелец, вундеркинд, олигарх*. Дело в том, что ряд подобных слов можно отнести к переходной зоне между словарем идентичности и словарем характеристики, поскольку в их семантике сливаются смыслы принадлежности к социальной группе и свойств, качеств человека.

Итак, хотя полюсные фрагменты словарей характеристики и идентичности не вызывают сомнения в их специфичности, граница между этими средствами не столь очевидна и требует специального рассмотрения.

Значительным вкладом в изучение данного вопроса является опыт существующих тематических, идеографических словарей, а именно «Русского семантического словаря» под редакцией Н.Ю. Шведовой [8] и «Большого толкового словаря русских существительных» [9].

В «Русском семантическом словаре» под редакцией Н.Ю. Шведовой представлено подмножество «Лицо, человек», достаточно большая часть которого составляет основу словаря идентичности. Имеется в виду та часть подмножества, которая относит лицо к какой-либо группе/классу людей, например названия лиц по отношению к расе, национальности, а также к территории, месту жительства, местонахождению; названия лиц по профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, отношениям и др. В то же время в «Русском семантическом словаре» к названиям лиц относятся не только интересующая нас лексика, но и огромные пласты эмоционально-оценочной лексики, например: *мамаша, маменька, мамка, матушка, папаня, папаша, папенька, борзописец, бумагома-*

ратель, писака, рифмолет, шелкопёр, – а также существительные, называющие человека в соответствии с определенными чертами характера, свойствами личности, его поведения: *грубиян, балагур, дармоед, гуляка, бабник, донжуан, повеса, расточитель, лежебока, весельчак, домосед, егоза, бука, эрудит, умник* и под.

В «Большом толковом словаре русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко также можно найти группы слов, использующихся в самоидентификации/идентификации: существительные, обозначающие периоды жизни человека (*ребенок, старик*); родственные и семейные отношения (*мать, отец, сын*); существительные, обозначающие человека по отношению к религии (*католик, мусульманин*); существительные, обозначающие человека, живущего где-либо (*горец, горожанин*); существительные, обозначающие человека по отношению к еде (*вегетарианец*) и т.д. Но целью этого словаря не являлось представление собственно названий лиц: «В данном словаре осуществлена попытка формирования его структуры на основании антропологического подхода, учитывающего процесс освоения, осознания и ословаривания человеком окружающего мира действительности. Всего нами выявлена и описана 41 денотативная сфера. Отсчет этих сфер мы начали со сферы «Живое существо», располагая последовательно те сферы, которые изначально тесно связаны с ней: «Растения», «Неживая природа», «Родственные и семейные отношения», «Нации». Затем следуют денотативные сферы «Интеллект», «Эмоции», «Оценка», связанные с осознанием человеком себя как высоко развитой личности» [9. С. 17]. И во всех названных сферах существительные с семантикой идентичности, свойств личности и эмотивно-оценочная лексика могут быть не дифференцированы и представлены в разных соотношениях.

Следовательно, важнейшую свою задачу мы видим в том, чтобы разработать критерии отбора лексики, используемой в описании идентичности носителями русского языка. Намечаются два основных подхода к вычленению лексики идентичности: 1) сопоставление научной и наивной картин мира, что позволяет выделить основные, явные уровни идентичности; 2) собственно лингвистический, сосредоточивающий свое внимание на определенных языковых приметах лексики идентичности.

Идентичность в научной и наивной картинах мира. Сложное отношение между языком и мышлением в лингвистике описывается как отношение между двумя картинами мира – научной (концептуальной) и наивной (языковой). Языковая картина мира отражает знаками соответствующие участки концептуальной картины мира, концептуальная картина мира априори богаче языковой, так как в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные [10. С. 6–9]. В психологии, социологии, культурологии рассматриваются, сексуальная, гендерная, этническая, национальная, религиозная, возрастная, профессиональная, социокультурная, гражданская, социальная, культурная идентичности. Возможно рассмотрение идентичности как иерархических отношений (например, внутри профессиональной группы существует указание на принадлежность к направлению, течению, школе).

Представляется, что можно выделить явные и неявные, первостепенные и второстепенные, ключевые и дополнительные идентичности. Так, определе-

ние человеком себя по национальности и профессии является более значимым, нежели идентификация по группе крови (хотя в определенной ситуации именно это может выйти на первый план, а все остальное оказаться совершенно несущественным). Необязательными, временными ролями являются обозначенные лексемами *безбилетник, сосед по купе, истец, спонсор, свидетель, ответчик, молодожён, больной*.

В книге психотерапевта М.А. Щербакова «Семь путешествий в структуру сознания» [11] анализируются семь уровней самоидентификации: социально-профессиональный, семейно-клановый, национально-территориальный, религиозно-идеологический, эволюционно-видовой, половой, духовный. В целом эта классификация может стать для нас ориентиром в определении ключевых идентичностей, однако необходимы следующие комментарии.

Дело в том, что языковая категоризация, лексический состав русского языка не отражает зеркально указанную классификацию идентичностей: с одной стороны, социальный статус (*интеллигент*) и профессия (*бухгалтер*) далеко не всегда слиты друг с другом, с другой стороны, понятие «социальный» гораздо шире, чем понятие «профессиональный», включает в себя и территориальный, и возрастной, и семейный компонент; территория проживания (*американец*) и национальность (*русский*) могут быть не связаны; принадлежность к религии (*православный*) и идеологии (*горбачёвец*) могут не пересекаться; эволюционно-видовой уровень отражают единичные номинации (*человек, homo sapiens*), а номинации духовной идентичности вообще сложно выделить в системе номинаций.

Кроме того, материал русского языка указывает на то, что можно выделить как минимум еще один ключевой уровень идентификации – возрастной, и на то, что он теснейшим образом слит с половым и семейно-родственным уровнями (название «семейно-клановый» представляется нам не очень удачным в силу меньшей актуальности в современном русском языке понятия *клан* по сравнению с понятиями *родство, родственники*). Необходимо обратить внимание на то, что наивная (языковая) картина мира в данном случае позволяет достроить, уточнить научную (концептуальную) картину мира.

Поэтому с учетом данных русского языка основными типами идентичности мы называем: а) семейно-родственную, б) половую, в) возрастную, г) национальную, д) профессиональную, е) религиозную, ж) идеологическую. При этом располагаем их в порядке уменьшения объективных факторов, жесткой зависимости от внешних, формальных показателей окружающей действительности, увеличения субъективного фактора. Религиозная идентичность может быть частью идеологической, а может быть самостоятельной, независимой категорией. Охарактеризуем кратко словарь каждого типа идентичности.

Семейно-родственная идентичность. В лингвистике слова, относящиеся к данной категории, изучаются как термины родства, семантическое поле родства. Надо сказать, что это одна из самых лингвистически разработанных группировок слов: многочисленные исследования посвящены терминам родства (аннотированный список работ см. в [12]). Так, М.А. Кронгауз [13] относит к центру поля слова, указывающие как на родство, так и на свойство (которое имеет семантику «указание на брак»). Мы считаем, что если говорить о

степени родства, то следует в первую очередь учитывать кровных родственников, дальние и тем более некровные родственники относятся к периферии этого поля (кроме, может быть, лексем «жена» и «муж», поскольку жена и муж имеют непосредственное отношение к появлению на свет потомков, т.е. своих кровных родственников). Таким образом, к центру поля мы относим слова *мать, отец, сын, дочь, бабушка, дедушка, внучка, внук, дядя, тетя, брат, сестра, родители, дети*, а также слова *муж и жена*, а к дальней периферии – *невестка, сноха, зять, теща, тесть, свекровь, свекровка, свекор, сватья, сват, золовка, деверь, свояченица, деверь, шурин*. К ближней периферии относятся слова-названия родственников, в составе которых имеются приставка *пра-* и суффикс *-юродн(ый)*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в современном русском языке уходят из активного употребления слова-наименования свойства; слова же, которые мы относим к ближней периферии поля, употребляются реже прежде всего вследствие экстралингвистических причин: прадеды не всегда доживают до своих правнуков, уходит ценность «большой» семьи, рода, на первый план выходит ценность «малой» семьи, узкого семейного круга, включающего самых близких родственников. С лингвистической точки зрения наименования родственников самого ближнего круга являются однословными, а не составными, как наименования дальних родственников.

Также к периферии поля М.А. Кронгауз справедливо относит слова, связанные со вторичным браком, смертью одного из супругов, крещением и т.д.: *мачеха, отчим, падчерица, пасынок, вдова, вдовец, кум, кума*. Следуя этой логике, добавим в группу слова *крестник, крестница, крёстный, крёстная и сирота*.

Половая идентичность. Лексический состав данной группы также неоднократно являлся объектом внимания лингвистов (см. обзор исследований, например, в [14]). Центром данной категории выступают лексемы *мужчина* и *женщина*, вокруг которых соответственно выстраиваются слова *мальчик, юноша, мальчишка* и *девочка, девушка, девчонка* и др. Это ядро семантического поля «пол». Во всех семемах, кроме обозначенных лексемами *мужчина* и *женщина*, семы «пол» и «возраст» тесно слиты, что доказывают следующие дефиниции МАС [15]:

МАЛЬЧИК – 1. Ребенок, подросток мужского пола. || Об очень молодом, незрелом, несерьезном человеке. **ЮНОША** – Лицо мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию; молодой человек.

Женщиной либо *мужчиной* можно назвать человека любого возраста при указании его половой принадлежности, однако, как показывает языковой материал, компонент «возраст» при функционировании слов *мужчина* и *женщина* также нередко выходит на первый план: *Да ты еще мальчишка! Не девочка, но еще и не женщина*. А в толковании слова *женщина* это частично отражено в варианте «лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке» (в брак вступают при достижении совершеннолетия):

ЖЕНЩИНА – Лицо, противоположное по полу мужчине. || Лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств. || Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке.

Возрастная идентичность. Интегральной семой лексических значений слов *старуха, старушка, старик, старичок, бабушка, дедушка, юнец, младенец, ребенок, отрок, подросток, мальчик, девочка, дети, дитя, ребята, внучка, внук* и др. является сема «возраст», дифференциальной – «пол» (кроме слов *ребенок/дети, дитя, подросток, младенец*). Нейтрализована сема «пол» может быть в речи: *Ты – старик, и я – старик* (пожилая женщина мужчине).

Важной особенностью использования данной лексической категории является относительный характер её элементов: так, при обращении к лицам старше 30 лет пожилые люди могут вполне использовать номинации «девочка» и «мальчик», возможно, субъективно «уменьшая» таким образом свой биологический возраст. Кроме этого, термины родства также часто используются для указания на возраст при обращении к неродственникам: *мать, мамаша, отец, папаша, сестра, сеструха, сестренка, брат, братан* и др.

Итак, **родство/пол/возраст** – это блок тесно связанных, слитых ключевых идентичностей (связаны они еще и тем, что это наиболее объективные, независимые от воли носителя языка категории). Именно языковой материал позволяет строить систему идентичностей как уровневую систему: в одной и той же лексеме часто совмещается маркирование разных идентичностей в разном соотношении. Родственные отношения диктуют национальную принадлежность. Семья часто (но необязательно) влияет на профессиональную и религиозную принадлежности.

Национальная идентичность. «Русский семантический словарь» включает названия национальностей в группу «Совокупности лиц», в подгруппу «Народы, племена, население государств», представляя существительные в форме множественного числа: *абазины, абиссинцы, абхазы, аварцы, австралийцы, австрийцы, аджарцы, адыгейцы, адыги, азербайджанцы, албанцы, алеуты, алжирцы* и т.д. В данном случае форма множественного числа обозначает совокупность лиц в сочетании со значением расчлененной множественности [16].

В «Большом толковом словаре русских существительных», в группе «Нации», в подгруппе «Существительные, обозначающие народы мира», прослеживается тот же принцип. Такой принцип подачи названий народов, а не лиц определенной национальности мы объясняем потребностью не увеличивать объем словаря: чтобы назвать одного человека по национальной принадлежности, нужно образовать форму единственного числа приведенных существительных (*абхазы – абхазец, азербайджанцы – азербайджанец*). Для описания национальной идентичности может быть выбрана модель «мы»-идентичности или модель «я»-идентичности: *У нас, у абхазов...; Я, как азербайджанец...*

К национальной идентичности примыкает **территориальная**, которая может совпадать либо расходиться с ней: *американец* – и название национальности, и название жителя Америки. Если для человека оказываются важными его «малая родина» и/или постоянное место жительства, он может именовать себя *волжанином, сибиряком, уральцем, питерцем, москвичом, новосибирцем, кемеровчанином* и под.

На периферии группы слов-названий национальной идентичности находятся слова, входящие в подгруппу «по расположенности, склонности, при-

страстию, интересу или по нерасположенности к людям другой национальности, их жизни, укладу»: *англоман, англофил, англофоб, антисемит, галломан, германовил, германовоб, русовил, русовоб, славяновил, славяновил, славяновоб, юдовоб*.

Профессиональная идентичность. Эта тематическая группа слов, пожалуй, самая обширная из вышеназванных наименований идентичности в русском языке, подробно детализируя виды человеческой деятельности, в полной мере отражает гигантские шаги в научно-техническом прогрессе. «Единый тарифно-квалификационный справочник работ и профессий рабочих» насчитывает тысячи названий профессий и специальностей, имеющих на сегодня в России.

В «Большом толковом словаре русских существительных» существительные, обозначающие лицо по профессии, составляют самостоятельные идеографические группы слов в составе сфер «Религия», «Охота и рыболовство», «Сельское хозяйство», «Техника», «Военная служба», «Медицина», «Строительство», «Сфера обслуживания», «Транспорт», «Наука», «Образование».

В «Русском семантическом словаре» группа слов «По профессии, специальности, роду занятий, характеру деятельности и связанным с ними действиям, функциям, отношениям» включает названия лиц по роду занятий следующих сфер деятельности: религии, культов (*аббат, игумен, имам, лама, муфтий, медиум, хиромант*); искусства, творчества (*бард, поэт, сатирик, скульптор, гравер, беллетрист, драматург, критик*); общественной, общественно-политической деятельности (*агитатор, комсорг, политик*); науки, ее практического применения, обучения, медицины (*ученый, лаборант, профессор, американист, астрофизик, гувернантка, студент, аспирант, заочник, врач, интерн, стоматолог*); власти, служебной, официальной, должностной деятельности (*князь, халиф, префект, принц, виночерпий, директор, председатель, шеф, министр, консул, губернатор, депутат, сенатор*); военной деятельности; хозяйственной, экономической деятельности (*матрос, офицер, солдат, маршал, адъютант, фуражир, мастер, укладчик, упаковщик, продавец, брокер, оптовик*); спорта, туризма (*тренер, судья, пятиборец, автогонщик, гимнаст, вратарь, турист, экскурсант*).

В каждой из вышеперечисленных групп в рамках различных сфер деятельности может выделяться множество подгрупп. Так, например, в сфере искусства выделяются виды искусства (литература, публицистика; изобразительное, прикладное, дизайн, художественное ремесло; издательское дело и другая сопутствующая деятельность; музыкальная, певческая, артистическая деятельность, разные зрелища и др.), затем, к примеру, в литературной, публицистической деятельности выделяются специализации писателей, поэтов: *баснописец, беллетрист, деревенщик, драматург, летописец, либреттист, мемуарист, новеллист, одописец* и т.д.

Религиозная идентичность. Очевидно, что понятие «идеология» шире понятий «вера», «религия», однако последние имеют традиционно более закрепленное, конкретное место в сознании человека: это то, что неразрывно связано с его семьей, национальностью, местом проживания и ритуальными действиями. Не случайно поэтому в «Русском семантическом словаре» названия лиц по отношению к направлению, течению в религии, по вероиспо-

веданию (*адвентист, баптист, буддист, евангелист, кальвинист, католик, мусульманин, православный, протестант* и т.д.) включены в группу «По религиозному, научному, художественному восприятию действительности, по отношению к соответствующим направлениям, течениям в религии, науке, искусстве».

Следовательно, религиозную идентичность можно считать важнейшей частью *идеологической идентичности*. Идеологическую идентичность описывают тематические группы «По отношению направлению, течению в науке» (*агностик, вольтерьянец, дарвинист, деист, диалектик, идеалист, материалист, метафизик...*); «по отношению направлению, течению в искусстве» (*абстракционист, авангардист, акмеист, декадент, имажинист, импрессионист, классик, конструктивист, кубист, модернист...*). Последнюю группу можно также отнести к описанию профессиональной идентичности человека, чья профессия имеет непосредственное отношение к искусству. К описанию идеологической идентичности, безусловно, относится группа слов «Члены партий, сторонники, последователи общественных, политических, идеологических течений, направлений, движений»: *аграрий, анархист, антикоммунист, антифашист, белоэмигрант, большевик, декабрист, демократ, западник, зеленый, интернационалист, кадет, коммунист* и др.

Слова, обозначающие человека по его склонности, пристрастию, хобби, находятся на периферии идеологической и профессиональной идентичностей: *киноман, меломан, голубятник, кошатник, библиофил, охотник* (=любитель охотиться на диких зверей и птиц), *театрал, рыбак* (=любитель рыбной ловли) и т.д.

Собственно языковыми ориентирами отнесения лексемы к словарю идентичности являются её определенные словообразовательные, морфологические и семантические свойства.

К примеру, существуют более или менее специализированные словообразовательные модели наименований лиц определенных категорий. Так, суффикс *-анин/-чанин* является маркером названий лиц по территориальной (в широком смысле) принадлежности: *россияне, парижане, прихожане, христиане, селяне, земляне, волжане, ростовчане, тюзяне* (разг.), *деповчане*.

Другой суффикс, *-щик/-чик/(-овщик)*, может присоединяться либо к основе существительного, либо к основе глагола. В «Русской грамматике» все примеры существительных, образованных от существительных при помощи этого суффикса, обозначают лиц, «характеризующихся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом»: *паркетчик, водопроводчик, табунык, утильщик, трамвайщик, флейтщик, алиментщик* (разг.), *процентщик, асфальтщик, литаврщик, типографщик; обозчик, наносчик, сыщик, добытчик, раздатчик, лесовщик* (спец.), *скобовщик* (спец.), *восковщик* (спец.), *клеймовщик* (спец.), *старьевщик* и т. д. [16. С. 184]. Приведенные слова можно отнести к названиям профессиональной идентичности или (реже) социального статуса, как у слова *помещик*. Ср. существительные, образованные от глаголов при помощи суффикса *-щик/-чик*, обозначающие лицо, «производящее действие, названное мотивирующим словом» [Там же. С. 144]: наряду с указанной нами группой слов, иногда могут встречаться и средства характеристики лиц (*потатчик, обидчик, обманщик, доносчик*), а

также тип продуктивен для названий предметов, производящих действия, названных мотивирующим словом (*буксировщик, погрузчик*). Таким образом, суффикс *-щик/-чик* в существительных, образованных от глаголов, является менее специализированным для образования слов-названий категорий лиц, соотносимых с идентичностями.

Нельзя не обратить внимание на некоторые морфологические свойства лексем, называющих группы лиц. Так, мы считаем, что наличие в языке собирательного существительного со значением совокупности лиц говорит о том, что данная категория/идентичность является более актуальной, целостной или структурированной по сравнению с другими (*кулачье, крестьянство, студенчество, детвора, агентура, генералитет, старостат, профессура, родня*).

Безусловно, в пользу структурированности группы, категории людей (а значит, необходимости такой идентичности в социуме) говорит и наличие гипо-гиперонимических и/или синонимических отношений между лексемами, называющими лица данных категорий: *врач – стоматолог/дантист; художник – импрессионист; литературовед – зарубежник; преступник – вор – конокрад*.

Семантические формулы ограничения словаря идентичности. Пересечение социальной практики идентичности носителей русского языка и её отражения в речи вызывает необходимость выработки и применения так называемых семантических формул идентичности, выполняющих тестовую функцию¹: чем в большее количество из приведенных ниже формул вписывается рассматриваемое слово, тем выше вероятность того, что перед нами слово-название ключевой идентичности. Ограничения в лексической сочетаемости в рамках данных формул дают возможность проанализировать не зафиксированные в лексикографических источниках семантические компоненты языковых единиц. Эти формулы, в свою очередь, являются типизированными конструкциями, клишированными фразами, часто использующимися в речевой коммуникации.

Формула 1: Вы (он) X? Да, я (он) X / Нет, я (он) не X.

Эта формула является диалогом, устанавливающим тождество вопроса и ответа:

– *Вы (он) учитель?*

– *Да, я (он) учитель / Нет, я (он) не учитель / Учитель здесь не я (он) / Нет, я (он) библиотекарь.*

Нужно заметить, что у этой формулы самые широкие сочетаемостные возможности, в нее вписываются не только многие интересующие нас слова (кроме экспрессивно-оценочной лексики) идентичности, но и слова *богач, вундеркинд, эстет, меломан, холерик* и даже слова *дурак, идиот, трус*, называющие определенные качества, свойства и оценки человека. Т.А. Триполь-

¹ Здесь мы следуем опыту применения лингвистического эксперимента, впервые описанного Л.В. Щербой [17]. Из зарубежной лингвистической практики широко известны тесты Дж. Остина на чистоту перформативности [18. С. 72–79]. Эту тему развивает Э. Вендлер, так, использование глаголов говорения, которые не употребляются в форме первого лица ед. числа, было названо им «иллюквативным самоубийством» [19]. См. также работу Т.А. Трипольской, С.М. Беляевой [20], в которой используется тест на сочетаемость экспрессивных глаголов говорения с местоимением «я».

ская, С.М. Беляева [20] описывают определенные условия, при которых нейтрализуются в речи подобные «иллокутивные самоубийства». Невозможность вопроса **Вы бородач?* объясняется его ненужностью: борода и без этого воспринимается органами зрения окружающих. Существуют определенные ограничения, например, в вопросе **Вы абориген (автохтон)?* – оказываются важными традиции употребления данных слов: в русском языке так чаще называют местных жителей племенных народов Африки, Америки, Крайнего Севера, поэтому более типичным является высказывание *Я местный*.

Формула 2: *Собрание X состоится...*

Вторая формула представляет собой жанр потенциального объявления:

Уважаемые восьмиклассники! Собрание восьмиклассников состоится 5 мая. Типизированная конструкция «*собрание X состоится...*» подразумевает, что люди, идентифицирующие себя определенным образом, могут намеренно собираться, обсуждать какие-либо вопросы, принимать какие-либо решения, следовательно, они воспринимают себя частью определенных социальных отношений, частью социально организованной группы, общности.

Ср. сложность постановки на место слова «восьмиклассники» слов *гений, оратор, растлитель* и под. Данный тест является самым жестким ограничителем для лексики идентичности.

Формула 3: *Группа / часть / коллектив / община X приняла участие в...*

Третья формула предполагает описание группы, некоего объединения как бы со стороны, внешним наблюдателем. Так, возможны высказывания в средствах массовой информации: *Группа нефтяников приняла участие в демонстрации; Часть солдат подписала заявление; Коллектив учителей выступил на концерте; Община католиков внесла деньги на реконструкцию кинозала.*

Ср. ограничения в употреблении (в письменной речи) **Группа ревнителей чистоты нравов приняла участие в демонстрации; *Часть вредителей подписала заявление.* Однако данные высказывания вполне могут появиться в устной форме в качестве шутки.

Формула 4: *Места в зале / стол / зал / вагон для X.*

Данная формула, как и две предыдущие, является ограничителем официального характера, свойственного идентичности, поэтому возможны таблички типа *Места в зале для учителей/родителей; Стол/зал/вагон для некурящих/вегетарианцев.* В виде таблички скорее невозможно, но в устной форме возможна фраза с указательным жестом «*Это места для богачей*». Этот тест выявляет группы людей, которые могут невольно или, наоборот, по собственному желанию находиться рядом друг с другом, занимая определенное место в пространстве.

Ср. **Места в зале для бюстителей порядка; *Стол для обидчиков.*

Формула 5. *Концерт для / встреча / встреча с / форум X.*

Последняя формула предполагает специфическую возможность объединения, встречи членов группы (они сами могут даже не догадываться о том, что встречаются с членами своей группы): *концерт для меломанов, форум вундеркиндов, встреча англоманов/встреча с англоманами.*

Ср. **Встреча эстетов, концерт для альтруистов, форум рогоносцев.*

Таким образом, слова *учитель, библиотекарь, восьмиклассник, католик* вписываются во все приведенные формулы, следовательно, их можно считать номинациями ключевых идентичностей (профессии, рода занятий, социального статуса, религиозной принадлежности). Слова *антисемит, вегетарианец* не проходят второй тест, так как формула задействована в деловой сфере, а не всякие группы реальны, многие носят виртуальный характер. Слова типа *англоман, меломан* подходят к первой формуле, так как называют человека по склонности, пристрастию, приближаясь тем самым к обозначению человека по чертам характера, в то же время вписываются в пятую формулу, поэтому склонности, пристрастия можно отнести к неключевой, дополнительной идентичности в рамках идеологической идентичности. Слова типа *богач, вундеркинд*, хотя и называют определенные свойства человека («богатый», «одаренный ребенок»), вполне можно отнести к обозначению второстепенных идентичностей, так как называемые свойства носят социально значимый характер: материальный статус определяет образ жизни человека, существуют специальные школы для одаренных детей.

Иными словами, лексемы, прошедшие все тесты, относятся к полюсу идентичности, а слова, прошедшие только первый тест, – к полюсу характеристики. Кроме этого, существует переходная зона между лексемами, называющими принадлежность человека к определенной социальной группе (то, что мы относим к словарю идентичности), и лексемами, называющими черты характера, свойства, оценки человека, – это слова, вписывающиеся в две, три или четыре семантические формулы. Это зона либо неключевых – в разной степени – идентичностей (*вегетарианец, больной, истец, морфолог, лексиколог*), либо черт характера, свойств и особенностей личности, приобретших определенный социальный статус (*вундеркинд, богач, олигарх*). Существуют также определенные внеязыковые ограничения в употреблении некоторых сочетаний (типа *группа палачей*): люди, относящиеся к данной категории, во-первых, не склонны афишировать свою принадлежность к ней и не хотели бы объединяться по субъективным причинам, во-вторых, их не так много, поэтому они не могут встречаться по объективным причинам.

Таким образом, идентичность — в разной степени осознанная принадлежность к определенной социально значимой категории людей. Критериями отбора лексем с семантикой идентичности становятся как их собственно языковые особенности, так и соотношение концептуальной и языковой картин мира в области категоризации человеческого сообщества. Иначе говоря, научное социально-психологическое описание идентичности, будучи ориентиром в лингвистическом исследовании, само корректируется данными языка. Словарь идентичности представляет собой множество слов, в центре которого находятся лексемы, обозначающие явные идентичности. На периферии данного множества оказываются средства характеристики и номинации неявных групп человеческого сообщества. В то же время все пространство словаря идентичности обладает большим потенциалом характеристики за счет текстовых реализаций коннотативной семантики.

Литература

1. *Еришов П.М.* Потребности человека. М.: Мысль, 1990.
2. *Гришяева Л.И., Цурикова Л.В.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж, 2003.
3. *Рот Ю., Коптельцева Г.* Межкультурная коммуникация: Теория и тренинг: учеб.-метод. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006.
4. *Леонтович О.А.* Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007.
5. *Громова В.М.* Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2007.
6. *Резанова З.И., Мишанкина Н.А.* Способы языкового выражения самоидентификации личности в виртуальном дискурсе (на материале чатов) // Европейские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. «Мир и общество фронта: проблемы идентичности». Вып. 4. Томск, 2004. С. 325–335.
7. *Косолапов Н.А.* Идентичность // Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН, 2003.
8. *Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизирующий по классам слов и значений / РАН; Институт русского языка; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой.* М., 2002. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос).
9. *Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко.* М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
10. *Серебрянников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
11. *Щербаков М.А.* Семь путешествий в структуру сознания. М.: Ин-т развития личности, 1998.
12. *Дзибель Г.В.* Аннотированная библиография научных трудов по родству, системам родства и системам терминов родства на русском языке (с добавлениями литературы на языках бывшего Советского Союза), опубликованных в 1845–1995 гг. // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб., 1998. Вып. 2. С. 214–283.
13. *Кронгауз М.А.* Семантика. М.: РГГУ, 2001.
14. *Ефремов В.А.* «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.
15. *Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой.* 3-е изд. М.: Рус. яз., 1985–1988. (МАС)
16. *Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова.* М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. (РГ-80)
17. *Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.
18. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
19. *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238–250.
20. *Трипольская Т.А., Беляева С.М.* Экспрессивные глаголы говорения (опыт семантико-прагматического анализа) // Функциональный анализ единиц русского языка. Новокузнецк, 1992. С. 101–107.